

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

**ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

125

**ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНО-РУССКОЙ
АРХЕОЛОГИИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

О Р Д Е Н А Т Р У Д О В О Г О К Р А С Н О Г О   З Н А М Е Н И
И Н С Т И Т У Т   А Р Х Е О Л О Г И И

К Р А Т К И Е   С О О Б Щ Е Н И Я

125

П А М Я Т Н И К И   С Л А В Я Н О - Р У С С К О Й
А Р Х Е О Л О Г И И

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1971

Выпуск содержит труды советских археологов, посвященные изучению славянских древностей на территории Восточной Европы. В нем помещаются как материалы новых археологических памятников, открытых за последние годы, так и результаты изучения уже известных материалов под новым углом зрения. В ряде статей рассматриваются теоретические вопросы, касающиеся некоторых проблем хронологии, истории и культуры славянских народов Восточной Европы.

Выпуск представляет интерес для специалистов по истории археологии, искусствоведению, а также для широкого круга преподавателей, аспирантов и студентов.

Редакционная коллегия:

Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурина, Л. В. Кольцов (ответственный секретарь),
И. Т. Крушликова (ответственный редактор), *К. Х. Кушнарeva,*
А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев, П. А. Раппопорт
(зам. ответственного редактора), *В. В. Седов, Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон*

В. А. БУЛКИН, В. А. НАЗАРЕНКО

О НИЖНЕЙ ДАТЕ ГНЕЗДОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Твердо обоснованная датировка Гнездовского могильника имеет важное значение для изучения археологических памятников славян лесной зоны накануне образования Древнерусского государства.

Вплоть до последних лет считалось, что могильник датируется концом IX—началом XI в. С этим положением, выдвинутым впервые еще В. И. Сизовым¹, согласился и А. А. Спицын, обобщая результаты дальнейших дореволюционных раскопок в Гнездово². С 1949 г. систематические исследования могильника были продолжены Д. А. Авдусиным, который, публикуя полученный материал, подтвердил датировку курганной группы в Гнездово концом IX—началом XI в.³ Однако за последние годы точка зрения Д. А. Авдусина претерпела значительные изменения. В настоящее время Д. А. Авдусин датирует Гнездовский могильник X—началом XI в., причем к первой половине X в., по его мнению, можно отнести лишь единичные курганы, в то время как большая часть курганов была насыпана во второй половине X и в самом начале XI в. Естественно возникает вопрос, результатом чего явилось столь значительное омоложение и сужение датировки погребений в Гнездово?

В работах, посвященных различным проблемам Гнездовского могильника, обычно ссылаются на трехзначную цифру раскопанных курганов (около 800), на тысячи вещевых находок и разнообразие погребальных обрядов. Возможно, что детальная проработка такого обширного материала позволила Д. А. Авдусину уточнить его первоначальную датировку⁴. Обратившись к работам Д. А. Авдусина, мы сталкиваемся, однако, с тем, что до сих пор подробному анализу подвергались лишь 3 кургана: 13 и 38, раскопанные в 1949 г.⁵, и 15 (10) из раскопок М. Ф. Кусцинского 1874 г.⁶

Первоначально курган 13 из раскопок в 1949 г. был датирован Д. А. Авдусиным первой четвертью X в., а курган 38—концом IX в.⁷

¹ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. Гнездовский могильник. МАР, вып. 28. СПб., 1902, стр. 4.

² А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК, вып. 15, 1905, стр. 7.

³ Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках гнездовских курганов в 1949 году. МИСО, вып. 1. Смоленск, 1952, стр. 320.

⁴ Д. А. Авдусин. К вопросу о происхождении Смоленска и его первоначальной топографии. Сб. «Смоленск. К 1100-летию первого упоминания города в летописи». Смоленск, 1967, стр. 75.

⁵ Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках гнездовских курганов в 1949 году, стр. 320.

⁶ Д. А. Авдусин. О датировке гнездовского кургана с мечом из раскопок М. Ф. Кусцинского. Сб. «Культура и искусство Древней Руси». Л., 1967, стр. 21—25.

⁷ Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках гнездовских курганов в 1949 году, стр. 320—321.

Оружие, найденное в кургане 15 (10), по мнению А. Н. Кирпичникова, восходит к IX в., а погребение было произведено около 900 г.⁸ Впоследствии Д. А. Авдусин пересмотрел даты всех этих курганов. Так, вновь обратившись к датировке кургана 13, Д. А. Авдусин приходит к выводу, что дата кургана должна определяться серединой X в. Основанием к пересмотру датировки послужила скорлупообразная фибула⁹, относимая Д. А. Авдусиным к этому времени¹⁰. Совсем недавно дата кургана была вторично омоложена и определена уже третьей четвертью X в.¹¹ Аргументация этого последнего пересмотра отсутствует. Мы полагаем, что наиболее доказанной является дата — середина X в. А. Н. Кирпичников, изучая древнерусское оружие, датировал меч из кургана 13 по всей совокупности погребального инвентаря серединой X в.¹²

Анализ погребального инвентаря кургана 38 и прежде всего форм бус и их сочетания в ожерелье, а также находка двух абассидских диргемов, датирующихся один IX в., другой 842—843 г. н. э., позволил Д. А. Авдусину отнести этот курган к концу IX в.¹³ Позднее, датируя этот курган X в., Д. А. Авдусин не приводит этому никаких доказательств¹⁴.

Анализу кургана 15 (10) из раскопок М. Ф. Кусдинского Д. А. Авдусин посвятил специальную статью, в которой сделал попытку пересмотреть дату, предложенную ранее А. Н. Кирпичниковым. Опираясь на положение о довольно позднем бытовании железных гривен с молоточками Тора, выдвинутое М. В. Фехнер¹⁵, Д. А. Авдусин датирует курган первой половиной или даже серединой X в.¹⁶ Погребальный инвентарь, обнаруженный в этом кургане, состоял из трех урн, поставленных на каменную вымостку; возле первой урны, с одной ее стороны, вонзен в землю меч, представляющий собой особую разновидность мечей типа Е, относящуюся к IX в. Клинок меча имеет почти параллельные края, что характерно для клинков первой половины IX в.¹⁷ С другой стороны этой же урны в землю воткнуто копьё узкой ланцетовидной формы, отличительной особенностью которого является дамаскировка, особенно хорошо заметная в нижней части пера, и врезанный «готический» орнамент на втулке. Таких наконечников копий в Европе известно 12, все они датируются второй половиной VIII—IX в.¹⁸ Копья с «готическим» орнаментом на втулке, но без дамаскированного узора относятся уже к X в.¹⁹ Приводимое Д. А. Авдусиным в качестве аналогии копьё из могилы с трупосожжением (Бирка) относится как раз к копьям с «готическим» орнаментом, лишенным дамаскировки²⁰.

⁸ А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие. САИ, вып. Е1-36, т. 1, 1966, стр. 31.

⁹ Скорлупообразная фибула в первоначальной публикации кургана 13 отсутствует, более того, подводя итоги раскопкам в 1949 г., Д. А. Авдусин отмечал, что найдена всего одна скорлупообразная фибула в кургане 23 (Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках гнездовских курганов в 1949 году, стр. 223, 234—239). В. С. Дедюхина, изучавшая фибулы скандинавских типов, включает в свой перечень, со слов Д. А. Авдусина, фибулу из кургана 13, датируя ее X в., в то же время фибула из кургана 23 в приведенной ею сводке отсутствует (В. С. Дедюхина. Фибулы скандинавского типа. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.» — «Труды ГИМ», вып. 43, М., 1967, стр. 196—197).

¹⁰ Д. А. Авдусин. Археология СССР. М., 1967, стр. 238.

¹¹ Д. А. Авдусин. Таинственный девятый век. «Знание — сила», 1969, № 1, стр. 29.

¹² А. Н. Кирпичников. Указ. соч., т. 1, стр. 80—81.

¹³ Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках гнездовских курганов в 1949 году, стр. 320.

¹⁴ Д. А. Авдусин. К вопросу о происхождении Смоленска..., стр. 75.

¹⁵ М. В. Фехнер. О происхождении и датировке железных гривен. «Труды ГИМ», вып. 40, М., 1966, стр. 101—104.

¹⁶ Д. А. Авдусин. О датировке гнездовского кургана с мечом..., стр. 25.

¹⁷ А. Н. Кирпичников. Указ. соч., т. 1, стр. 31.

¹⁸ А. Н. Кирпичников. Указ. соч., т. 2, стр. 9.

¹⁹ Там же.

²⁰ Д. А. Авдусин. О датировке гнездовского кургана с мечом..., стр. 22—23.

Особое внимание Д. А. Авдусин уделяет датировке гривен с молоточками Тора, обычай ношения которых, как он считает, был распространен в конце X—XI в.²¹ Однако и Д. А. Авдусин, и М. В. Фехнер, ссылаясь на Паульсена, упускают из виду, что в своей работе он подвергает детальному анализу лишь подвески с молоточками Тора²², отличающиеся от железных гривен с молоточками Тора не только типологически, но и хронологически. Железные гривны с молоточками Тора известны в Швеции в погребениях VIII в.²³ и широко распространены в погребениях по обряду трупосожжения с последующим помещением сожженных костей в урну; время наибольшего распространения захоронений в урнах в шведском могильнике Бирка, как установил Г. С. Лебедев в дипломной работе, защищенной на кафедре археологии ЛГУ, приходится на середину IX в. Не может не вызвать возражений методика определения Д. А. Авдусиным даты всего комплекса: он считает решающей дату железных гривен с молоточками Тора. Предпочтение, отдаваемое им одной этой вещи, представляется нам недостаточно обоснованным, не говоря уже о спорности самих этих датировок. Определить точную дату сложения комплекса можно, лишь выяснив соотношение всех полученных датировок, входящих в комплекс вещей, и установив время их возможного сосуществования.

Ножницы, пинцет, булавка, нож и ледоходный шип вряд ли могут быть привлечены к решению вопроса о дате всего комплекса, так как диапазон их бытования чрезвычайно широк.

К сожалению, мы не можем судить также о характере утраченной керамики, разве что учесть мнение Д. А. Авдусина, что по крайней мере один из утраченных горшков «не выделялся формой и техникой изготовления, так как все сосуды этой коллекции ГИМ не дают резких отклонений от типа гнездовских горшков»²⁴.

Сопоставляя все имеющиеся сведения о датах, следует признать, что курган 15 (10) из раскопок М. Ф. Кусдинского должен быть отнесен к середине IX в., однако если принять во внимание более поздние даты большинства типов оружия, предполагаемые А. Н. Кирпичниковым, то этот погребальный комплекс может быть датирован самое позднее второй половиной IX в.

Таким образом, по крайней мере два кургана — один четырехугольный (38) и один из так называемых больших гнездовских курганов — 15 (10) — по совокупности погребального инвентаря и характеру обряда относятся ко второй половине — концу IX в. Можно ли на основании этого утверждать, что полученная нами дата характеризует нижнюю границу всего могильника? Конечно же, нет! Всего два кургана из нескольких сот раскопанных не могут быть опорой для подобного утверждения.

Мы полагаем, что определить нижнюю дату, исходя из материалов самого Гнездовского могильника, в настоящее время невозможно. Но если отвлечься от уникальности гнездовских погребальных комплексов и рассмотреть их на фоне всех погребальных памятников лесной зоны VIII—IX вв., то путь решения этой проблемы может быть найден. Такой подход не нов: в общих чертах он был сформулирован еще И. И. Ляпушкиным²⁵. В Гнездовском могильнике существует несколько видов погребальных сооружений: маленькие полусферические курганы, четырехугольные курганы и так называемые большие гнездовские курганы. Не разбирая

²¹ Там же, стр. 23.

²² P. Paulsen. Axt und Kreuz in Nord und Osteuropa. Bonn, 1956, стр. 205, 209, 220.

²³ G. Arwidsson. Valsgårde 8. Uppsala—Stockholm, 1954.

²⁴ Д. А. Авдусин. О датировке гнездовского кургана с мечом. . . , стр. 24.

²⁵ И. И. Ляпушкин. Славяне лесной зоны Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства VIII—IX вв. Сб. «Культура Древней Руси». М., 1966, стр. 127—134.

специфику каждого из них, следует указать на довольно широкое распространение этих видов в лесостепной и лесной зонах Восточной Европы.

Следовательно, каждый из видов погребальных сооружений Гнездовского могильника можно представить в качестве звена в цепочке типологически близких им памятников большой территории, а хронология каждого типа погребений в Гнездове будет опираться на широкую фактологическую базу. Именно так подходил к этой проблеме И. И. Ляпушкин, наметивший основной путь ее решения. Анализируя круглые курганы с трупосожжением в лесной зоне, И. И. Ляпушкин обратил внимание на большое число плохо датированных пустых и безынвентарных курганов в Гнездовском могильнике (до 40%), которые близки по времени (VIII—IX вв.) и своему содержанию обычным круглым полусферическим курганам с трупосожжениями²⁶. По своим признакам эти курганы не отличаются от всей совокупности круглых полусферических курганов с трупосожжением лесной зоны, собранных в каталоге И. И. Ляпушкина²⁷, и их датировка не должна выходить за рамки датировки последних.

В. В. Седов²⁸, а вслед за ним и П. Н. Третьяков²⁹ полагают, что длинные курганы в VIII—IX вв. преимущественно сменялись круглыми полусферическими курганами с трупосожжениями. Е. А. Шмидт относит появление круглых полусферических курганов с трупосожжениями, входящих в группу длинных Смоленских курганов, к рубежу VII—VIII вв.³⁰ И. И. Ляпушкин по сходству керамики и обряда погребения с могильными памятниками славян лесостепи датирует появление этих курганов в лесной зоне VIII—IX вв.³¹ Как бы ни была различна аргументация сторон, вывод их сходен в одном: полусферические курганы с трупосожжениями появляются в лесной зоне не в X в., а гораздо ранее его. Если этот вывод правилен, то те 40% курганов Гнездовского могильника, которые по своим типологическим признакам не отличаются от аналогичных курганов лесной зоны, должны быть датированы в целом временем не ранее VIII—IX вв. Следовательно, ни четырехугольные курганы, ни большие гнездовские курганы не определяют начальной даты могильника. Они лишь обозначают тот рубеж, за пределом которого нынешнее состояние материала не позволяет установить тех твердых дат, которыми мы располагаем для курганов конца IX—X в.

В 1967—1968 гг. Днепровской археологической экспедицией ЛОИА под руководством И. И. Ляпушкина исследовались остатки одного из селищ близ Гнездовского могильника. Найденный материал и в первую очередь обломки лепной керамики, близкой роменской, дают основание сделать предварительное заключение о том, что поселение возникло не позднее начала IX в. и что население его по своему культурному облику весьма близко славянам лесостепной зоны второй половины I тысячелетия н. э.³² Специальной работы по увязке данного поселения с могильником еще нет, однако уже сейчас, опираясь на топографическое единство могильника и поселения, а также на сходство керамического материала, можно вслед за А. Н. Лявданским и И. И. Ляпушкиным предположить, что селище принадлежит тому населению, которое оставило после себя гнездовские курганы³³. Итак, образование Гнездовского археологического комплекса, включающего славянское поселение и могильник, следует, видимо, относить ко времени не позже начала IX в.

²⁶ И. И. Ляпушкин. Славяне лесной зоны Восточной Европы... стр. 134.

²⁷ Там же, стр. 97—110.

²⁸ В. В. Седов. Кривичи и словене. Автореф. канд. дисс., М., 1954, стр. 7.

²⁹ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 281.

³⁰ Е. А. Шмидт. О смоленских длинных курганах. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 224—229.

³¹ И. И. Ляпушкин. Славяне лесной зоны Восточной Европы... стр. 117.

³² И. И. Ляпушкин. Новое в изучении Гнездова. Сб. «Археологические открытия 1967 г.», М., 1968, стр. 43—44.

³³ И. И. Ляпушкин. Славяне лесной зоны Восточной Европы... стр. 115—116.